

Уже при жизни Иннокентий Смоктуновский получил признание как «актёр номер один советского театра». Его нередко называли «тихим гением, заставляющим публику, затаив дыхание, внимать каждому его слову, следить за каждым жестом».

«Само пребывание Смоктуновского на сцене становилось фактом искусства, – отмечал режиссёр А. Шапиро. – Его поведение всегда было отмечено особой притягательностью. Оно свидетельствовало о неповторимости, исключительности его художественной природы. Был ли он в ударе или не в настроении – это было совершенно незаметно и не столь важно. Всё равно от него невозможно было отвести глаз».

Глядя на то, как Смоктуновский играет на сцене, легко было предположить, что с ним занимались лучшие преподаватели, он прошёл школу Станиславского. Казалось невероятным, что на самом деле Иннокентий Михайлович никогда не учился актёрскому мастерству – самородок, из самой низкой рабочей среды.

Иннокентий Михайлович Смоктунович (такова была его настоящая фамилия) родился 28 марта 1925 года в деревне Татьяновка Томской области. Позднее сложилось мнение, что Смоктуновский происходил из семьи обедневших польских шляхтичей, сосланных в Сибирь за участие в восстании против власти русского царя в 1861 году. Однако сам Иннокентий Михайлович неоднократно опровергал эту версию, рассказывая, что на самом деле предки его – из Белоруссии. Его дед служил егерем в Бело-

вежской пуще, однажды завалил зубра, за что и был наказан – вся семья отправилась за Урал.

Отец Иннокетия Михайловича, Михаил Петрович Смоктунович, отличался большой физической силой и работал грузчиком в порту. Мать, Анна Акимовна, работала на колбасной фабрике простой рабочей. Семья была многодетная, жизнь – трудная.

«Главной заботой мамы было всегда, – вспоминал Иннокентий Михайлович, – принести домой обрезки колбасы, чтобы сварить суп. Суп этот мне казался тогда очень вкусным. Отца же помню, как провожали его на фронт, когда началась война. Я бежал за колонной солдат и видел отца – он возвышался ростом над всеми, высокий, с хорошим лицом. Заметив меня, повернулся и сказал: “Ну, ты смотри, смотри...” Долго потом звучали у меня в душе его слова. В 1942 году он погиб».

В детстве Кеша обижался на родителей – ему казалось, что они гораздо больше любили его брата Аркадия, а к нему относились холодно. Безденежье, голод заставили мать отдать Кешу на воспитание бездетной тётке, сестре отца Надежде Петровне, она жила с мужем в Красноярске.

«Тётя души во мне не чаяла, – вспоминал Смоктуновский. – Очень любила, баловала, заботилась». В Красноярске, в школьном кружке самодеятельности Кеша впервые попробовал играть на сцене. Шестиклассником он изображал Ломова в чеховском «Предложении».

Когда Иннокентий Михайлович окончил семилетку, тётя и дядя убедили его поступить в акушерско-фельдшерское училище. Кеша проучился там год, но потом все-таки ушёл – в школу киномехаников.

В 1943 году его призвали в армию. Подготовку Смоктуновский проходил в Киевском пехотном училище, базировавшемся тогда в Ачинске. За провинность, – собирал картошку на поле, всё время был голодный, – его из училища отчислили, сняли погоны и отправили на фронт, на Курскую дугу. Так молодой человек угодил в самое пекло войны.

«Это неправда, когда говорят, что война – это не страшно, – писал Смоктуновский в книге воспоминаний “Время добрых надежд”. – Война – это очень страшно».

В декабре 1943 года под Киевом Смоктуновский попал в немецкий плен. Почти месяц он провёл в лагерях для военнопленных в Житомире, Шепетовке, Бердичеве. «Дизентерия, дистрофия, что только не было со мной там, – вспоминал Смоктуновский позднее. – Я понял, что если хочу выжить, то должен бежать. Нас переводили в большой лагерь. Мы проходили под мостом. Я улучил момент и отошёл от колонны, спрятался под мостом, там, где меня не было видно, и ждал, пока стемнеет. Бурю в душе – вот что я пережил в те минуты, – признавался актёр. – Вспомнил всё, до мельчайших подробностей. Найдут – не найдут? Не нашли. Когда стемнело, я ушёл в лес. Бродил всю ночь. Только к утру наткнулся на опушку и семь домишек сбоку. Едва дошёл до крайнего дома, постучал и ... упал на крыльце. Помню, меня подобрала женщина, которые жили в этом доме. Я видел их точно в тумане, но слышал, как они смеялись надо мной. Они подняли меня и занесли в дом. Оставили – спасибо им».

С семьёй, спасшей его в военные годы, Смоктуновский поддерживал отношения всю жизнь. Часто вспоминал бабу Вассу, вышедшую за него, не забывал о её дочери Олесе. Подлечившись, он ушёл к партизанам, а затем вместе с ними влился в состав регулярной армии. Войну Иннокентий Михайлович закончил в Германии, в небольшом немецком городке Гревесмюлене и, демобилизовавшись, сразу уехал в Красноярск.

Приехав домой, Смоктуновский поступил в театр, играл в массовке. Но атмосфера в обществе накалялась, наступала новая полоса репрессий, снова искали врагов народа, предателей. Смоктуновский, побывавший в плену, немедленно привлёк внимание властей. Его вызвали в военкомат. «После разговора там стало ясно, что скорее всего арестуют и сошлют в лагерь, – вспоминал Иннокентий Михайлович. – И я сам решил уехать. В Норильск. Полагая, что дальше Норильска точно не пошлют».

В Норильске молодой актёр поступил в местный театр. Правда, директор поставил условие – изменить фамилию, так, от греха подальше. И Кеша Смоктунович превратился в Иннокентия Смоктуновского.

В то время в Норильске сложилась неплохая труппа, играли ссыльные, бывшие заключённые. В театре Смоктуновский познакомился с Георгием Жжёновым, позднее они вместе снимались в кино, их связывали дружеские отношения.

Однако климат Норильска оказывал пагубное воздействие на здоровье Иннокентия Михайловича. Он почти постоянно болел. И

в 1948 году он решает переехать на юг, на солнце – в Дагестан. В местном весьма заурядном театре он познакомился с актёром Марковым. Его дети, Леонид и Римма, были весьма преуспевающими артистами в Москве, работали в театре им. Ленинского Комсомола.

Приехав к отцу в отпуск и увидев Смоктуновского, сразу стали звать его с собой, в Москву, к Софье Владимировне Гиацинтовой, возглавляющей Ленком. Но Смоктуновскому было трудно решиться, он не был уверен в своих силах.

Он ещё пробует себя в Сталинграде, в городском театре, но убедившись, что никакого развития для его творчества здесь нет, в 1955 году наконец-то отправляется в столицу. Как признавался сам актер, это был последний шанс состояться в профессии. «Я так и сказал своим коллегам, мол, если обо мне не услышите через пять лет, буду заниматься другим делом».

На просмотре Гиацинтова сразу отмечает его задатки, но свободных мест нет и найти их в Москве не так-то просто. По её совету Смоктуновский показывается в театре Станиславского, в театре Сатиры, но там в нём не находят ничего особенного, такие актёры не нужны. В конце концов, чтобы поддержать новичка, Гиацинтова берёт его к себе в театр на договор. Роль Смоктуновского по этому договору состояла в том, чтобы раз в неделю проходить во время спектакля по сцене, не произнося ни слова. Но всё-таки он зацепился в Москве, и это уже было хорошо.

Однако профессиональная неудача компенсировалась иным. В театре Ленинского Комсомола Смоктуновский встретил главную женщину своей жизни, своего ангела-хранителя – Суламифь Михайловну Кушнир, дочь известной писательницы на идише Ширы Горшман. Суламифь работала художницей в пошивочном цехе театра. «Человек высокой организованности, и внутренней и художественной, – как отзывался о ней актёр Всеволод Ларионов, – она, можно сказать, воспитала Смоктуновского, стала на всю жизнь и женой, и матерью для него». «Соломка, – так Смоктуновский с нежностью называл жену, – была стройной, милой. Я сразу влюбился в неё. Но у неё был молодой человек, испанец, он хотел увезти её с собой, в Испанию. А мне было уже тридцать лет, и я был полным неудачником. Но она что-то заметила во мне. Иногда она говорит мне, что я “великий”, я её прощаю, – признавался он. – Ей можно. Больше никому».

Суламифь использовала все свои связи, чтобы помочь актёру. Как талантливая художница, она работала и для кино. Имен-

но Суламифь постаралась сделать так, чтобы Смоктуновский оказался в поле зрения знаменитого режиссёра Михаила Ромма. Он пригласил Смоктуновского на маленькую роль в его картине «Убийство на улице Данте». Обычно Ромм снимал не больше, чем два дубля, но со Смоктуновским ему пришлось снять пятнадцать! «Все раздражались, наблюдая, как он возится со мной, – вспоминал Иннокентий Михайлович. – Зачем тратить время на провинциального актёра, который ничего не умеет?» Но Ромм терпеливо работал с ним, чувствуя его задатки, и Смоктуновский в картине остался.

Второй удачей оказалось приглашение сняться в кинофильме «Солдаты», поставленном режиссёром Александром Ивановым по повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Смоктуновский сыграл в картине странного интеллигента Фарбера, не пугливого, но с любопытством взирающего на то, что происходит вокруг него.

Во время работы над фильмом «Солдаты» произошло событие, изменившее творческую судьбу Смоктуновского. На съёмочной площадке его заметил известный актёр БДТ Евгений Лебедев, снимавшийся в соседнем павильоне в картине «Шторм». В это время главный режиссёр БДТ Георгий Александрович Товстоногов собирался поставить «Идиота». Он пригласил из Таллина режиссёра В.Я. Ланге. На роль князя Мышкина был назначен актёр Пантелеймон Крымов.

Однако исполнитель не явился на первую репетицию, и был уволен – роль на некоторое время повисла в воздухе, так как другого актёра на князя Мышкина в труппе БДТ не нашлось. Ланге вернулся в Таллинн, работа остановилась.

Евгений Лебедев был назначен на роль Рогожина. Увидев, как работает Смоктуновский, Лебедев вернулся в Ленинград и сказал Товстоногову: «Кажется, я нашёл тебе Мышкина».

Товстоногов пригласил Смоктуновского в БДТ и сам взялся за постановку спектакля. «Встреча с Достоевским определила весь мой дальнейший путь, – признавался позднее Иннокентий Михайлович. – Но работа над ролью шла крайне тяжело. Такого мучения в работе, такой трудности, – говорил актёр, – я и предположить не мог».

Премьера «Идиота» состоялась 31 декабря 1957 года, после неё Иннокентий Смоктуновский, как принято говорить, «проснулся знаменитым». Посмотреть спектакль с необыкновенным князем Мышкиным люди приезжали со всех концов страны. Критики

анализировали едва ли не каждый момент существования актёра на сцене. В последний раз, как отмечали многие, так подробно Белинский разбирал игру П. Мочалова в роли Гамлета. Только проход Мышкина – Смоктуновского из одной кулисы в другую перед закрытым занавесом, по мнению критиков, стал одним из вершин роли.

«Высокий и слабый, сутулый и непередаваемо изящный, с какими-то слишком лёгкими руками, с походкой, щемящее робкой и одновременно щемящее решительной, князь Мышкин шёл в иноземном своем платье, в толстых башмаках, с узелком, завязанным в клетчатый платок. Беззащитный, детски приветливый, строгий, вступал он в эту петербургскую жизнь, корыстную и горячечную, нёс сюда ясный и беспомощный свет своей души». «Смоктуновский с первого же появления на сцене, – в вагоне поезда, возвращавшего его героя в Россию, – убеждал зрителей в том, что Мышкин Достоевского такой и другим быть не может, – отмечал театральный критик А. Смелянский. – Это был прорыв, взрыв, переход в новое качество не только ленинградского театра, но и всей нашей сцены».

Сам Иннокентий Михайлович признавался, что, если бы не твёрдость Товстоногова, руководившего им, он никогда бы не справился с этой ролью. «Я сыграл Мышкина двести раз, – рассказывал он в интервью, – и, если бы мне пришлось сыграть его ещё столько же, я бы и сам остался больным человеком».

После Мышкина, в котором он «блеснул как гений», Смоктуновскому пришлось играть довольно средних персонажей – Держинского в погодинских «Кремлёвских курантах» и Серёгина в «Иркутской истории» А. Арбузова. Эти роли тяготили Смоктуновского, он смотрелся в них бледно – он интуитивно отвергал средний уровень, он не понимал, как это делать. «Он даже стал бояться следующей роли, – писала завлит БДТ Дина Шварц. – У него появились проблемы, незнакомые никому в театре».

Тяготясь теми посредственными героями, которых ему пришлось играть, Смоктуновский сам продумывал, какие роли могли бы соответствовать его уровню. Он остановился на роли Протасова в пьесе «Живой труп» Л.Н. Толстого. Образ Фёдора Протасова, «не способного выбрать для себя ни одну судьбу, которой обычно

живет человек», привлекал Иннокентия Михайловича. Он чувствовал, что может раскрыть этот характер.

Смоктуновский подготовил список актёров, кто мог бы сыграть с ним в «Живом трупe», распределил роли, и с этим пришёл к Товстоногову. Главный режиссёр БДТ отреагировал жёстко. «Вот что, Кеша, – сказал он, внимательно глядя на Смоктуновского, – сейчас вы выйдите из театра, пойдёте вниз по Фонтанке, дойдёте до площади Ломоносова, потом повернёте к Александринке, зайдёте в подъезд и придёте к главному режиссёру театра Леониду Вивьену. Вот ему вы и принесёте это распределение и свою идею. А в моём театре ставлю я один».

Таков был характер Товстоногова. Это был удар. Смоктуновский замкнулся, стал искать ролей на стороне – в кинематографе. И, в конце концов, в 1960 году ушёл из театра. Татьяна Васильевна Доронина вспоминала: «Товстоногов хотел ставить “Горе от ума”. Смоктуновский мечтал сыграть Чацкого, это была роль для него. Но Георгий Александрович был из тех режиссеров, которые прислушиваются к «шопоткам». Так ему передали, что после разговора о роли Протасова Смоктуновский сказал кому-то в сердцах, мол, двум медведям в одной берлоге не прожить. Товстоногов это не простил. Чацкого играть не дал».

«Георгий Александрович очень переживал уход Смоктуновского, – замечал Евгений Лебедев, связанный с главным режиссёром БДТ не только дружбой, но и родством. – Но он не прощал измен. У нас был принцип, кто уходил из театра, тот уже не возвращался». Лишь при возобновлении в 1966 году спектакля «Идиот» специально для гастролей в Англии и во Франции, Смоктуновский был снова ненадолго приглашён в БДТ – как гастролёр.

Так Смоктуновский оказался без театра, и выбрал кино. Вплоть до 1973 года он не выходил на сцену. За это время он сыграл несколько ролей в кино, принесших ему славу. Михаил Ромм предложил ему роль Куликова в фильме «Девять дней одного года», Эльдар Рязанов – роль Деточкина в картине «Берегись автомобиля», Игорь Таланкин – роль Чайковского в одноимённом фильме. Причём роль была написана специально для Смоктуновского.

В 1964 году Смоктуновский снялся в роли Гамлета в фильме Григория Козинцева, поставленного по пьесе У. Шекспира. Как отмечали критики, «фильм Козинцева – оттепельный». Только в таких условиях в Шекспире могла проявиться линия противостояния человека и системы, которая заметна в фильме. Гамлет Смоктуновского – не столько философ, не столько воин, сколько

... поэт, человек свободной души, не способный существовать по жёстким канонам системы. Он не мучается дилеммой «быть или не быть». Он пытается сбросить опутавшие его вериги прошлого, но против воли оказывается втянут в навязанный ему конфликт, который разрешает своей гибелью.

Знаменитый английский актер Лоуренс Оливье, признанный исполнитель роли Гамлета, увидев Смоктуновского в этой роли, признал: «Он лучше, чем я». Британская академия включила актёра в список лучших исполнителей роли, и в нём Смоктуновский занимает почётное пятое место. Также Иннокентий Михайлович был удостоен номинации на престижную премию ВАФТА – за лучшую мужскую роль.

Успех Гамлета способствовал тому, что самые лучшие режиссёры страны стали наперебой приглашать Смоктуновского сниматься. Сергей Бондарчук хотел видеть его в роли Андрея Болконского в «Войне и мире», Александр Алов и Владимир Наумов – в роли Хлудова в фильме «Бег». Но Смоктуновский пропускает эти предложения из-за болезни.

Кулиджанов, готовясь к съёмкам «Преступления и наказания», предлагает Иннокентию Михайловичу сыграть на выбор Свидригайлова или Порфирия Петровича. Актёр предпочёл Порфирия Петровича, но роль, как ни странно, не поддалась, это была едва ли не единственная неудача Смоктуновского. «Как ни бились мы, выискивая контрастные ритмы, которые так легко предлагал Достоевский в этом образе, увы, выявить я их не смог, – с горечью признавался Иннокентий Михайлович. – Ушло время. Играть человека, чья самобытность в «переливчатости» оказалось неожиданно тяжело. Вот если бы мне сыграть Раскольников – я знал бы, что делать».

В 1972 году Иннокентий Смоктуновский возвращается на сцену. Он давно мечтал сыграть роль царя Фёдора в трагедии А.К. Толстого, коронную для русских трагиков. Ещё в БДТ он предлагал поставить «Царя Фёдора» Товстоногову. Режиссёр Владлен Давыдов сделал попытку возобновить пьесу под Смоктуновского во МХАТе ещё в конце 60-х, но смена руководства помешала реализации этой идеи.

В 1970 году режиссёр Борис Равенских, художественный руководитель Малого театра взялся за постановку «Царя Фёдора» по просьбе своего любимого актёра Виталия Доронина. Но узнав из прессы, что Смоктуновский мечтает об этой роли, пригласил Иннокентия Михайловича, не побоявшись обидеть Доронина.

Смоктуновский с головой окунулся в работу. «Кинематограф – это чистое потребление, там ты отдай – и всё, – рассказывал он в одном из интервью, – театр – это совсем другое. Он позволяет аккумулировать энергию, которая идёт из зала, ты чувствуешь её. Но для этого ты должен повести зал, это непросто». «Он очень уставал, – вспоминала супруга актёра Суламифь Михайловна. – Придёт домой, дети к нему, Филипп особенно, сын, мол, папа, давай, ты будешь изображать такого-то персонажа, а я сыграю такого-то, они жили этим, обожали, когда он с ними возился. Но он только: «Филечка, вот будет у меня отпуск летом, поедем на дачу, вот там наиграемся вволю. А сейчас просто нет сил». «У меня плохо с друзьями, плохо с общением вне работы, – признавался Смоктуновский. – Сложный я, капризный. Хочу много работать, а когда бываю свободен, хочу быть один. Сбросить с себя шелуху. Это тоже искусство – стать самим собой, спросить у себя самого, честно, хорош ли я в том, что делаю, плох ли я, и в чём плох?». «Он очень любил свою квартиру, свой дом, свою семью. Любил побыть один, – подтверждала Суламифь Михайловна. – В театре на него жаловались, что он неуживчивый, кривляется. Звонили мне домой, мол, повлияйте на него, так нельзя себя вести. А я им говорю, это Смоктуновский. Что я могу сделать? Он так работает, муки творчества. Уж принимайте его таким, каков он есть. Я так и делаю».

Спектакль «Царь Фёдор» в Малом театре Смоктуновский играл до лета 1976 года. Его трактовка образа существенно отличалась от предшестующих. Как отмечали критики, в персонаже «не было того жалкого скудоумия», о котором писал Толстой, «не было ничего блаженного», а сцены, которые служили обычно подтверждением слабоумия (например, слова о подаренных цесарем шести обезьянах) у Смоктуновского неожиданно наполнялись ироническим, драматическим смыслом.

Трагедия царя Фёдора, по словам критика Б. Тулинцева, «была трагедией чистого разума, потерпевшего поражение в жестоком столкновении с действительностью». «Смоктуновский, – вторила М. Рахманова, – играл царя с пугающей достоверностью постижения самого естества «последнего в роде», обречённого царя. Трагедию личности, столь глубокой и необыденной, что перед душевными сокровищами, которыми он обладает, кажутся мелкими и проницательный ум Годунова, и недалёковидная, хотя и искренняя прямота Ивана Шуйского».

Осенью 1976 года по приглашению Олега Ефремова Смоктуновский переходит во МХАТ им. Горького. Он сразу же дебюти-

рует в главной роли в чеховском «Иванове». Олег Ефремов чрезвычайно высоко ценил Смоктуновского как актёра. «Да, – говорил он, – некоторым кажется, что Кеша капризничает, кривляется. А он не кривляется. Он такой и есть. Вы лучше посмотрите, как он играет».

Как свидетельствует В. Вульф, роль Иванова далась Смоктуновскому тяжело. Он не любил этой пьесы. Образ героя не был для него органичным. Но он честно, с полной отдачей играл Иванова пятнадцать лет, не любя эту роль. «Кажется, я надорвался на нём», – признавался Иннокентий Михайлович супруге.

Однако зритель никогда не замечал, как трудно актёру. «Смоктуновский играет «Иванова» необычайно глубоко, – писал в книге «Профессия режиссёр» Анатолий Эфрос. – Собственно на него только и смотришь в этом мхатовском спектакле. Он больше молчит, а говорят другие, но это значения не имеет, ибо вот уж действительно, его молчание – золото. Он так слышит каждую фразу партнёра, так видит каждый жест. Его лицо незаметно меняется от каждой чужой фразы или жеста. Иногда в зале и сам начинаешь почти физически ощущать, что на сцене чувствует этот Иванов».

Вслед за Ивановым потянулась целая череда чеховских ролей – Серебряков в «Дяде Ване», Дорн в «Чайке», Гаев в «Вишнёвом саде». Чеховская тема продолжилась и в кинематографе – Смоктуновский сыграл в фильме «Дядя Ваня» у режиссёра Андрона Кончаловского.

Однако время было советское, и от революционной тематики было никуда не деться. Смоктуновскому приходилось играть то, что он так не любил, роли, «сшитые не по его росту» – в «Кремлёвских курантах» Погодина (опять же!), в пьесе «Так победим!» М. Шатрова.

Олег Ефремов хорошо понимал «мучения Кешы» и старался давать больше ролей «по размеру». Одной из явных удач стала роль Порфирия Головлёва в постановке Льва Додина.

Единодушно было признано, что «Господа Головлёвы» М. Салтыкова-Щедрина – одно из самых мрачных произведений русской классики, очень трудного для постановки. Приход Додина и начало работы в театре восприняли неоднозначно, было много сомнений, иронических намёков, мол, тоже выискался ещё Немирович-Данченко.

Смоктуновский понимал, что громадный, многофигурный спектакль требует сотворчества разных поколений актёров,

упорной, долгой работы всех. Он первым поверил в режиссёра и показал пример остальным.

Иннокентий Михайлович работал самозабвенно, с полной самоотдачей. «Роль Иудушки Головлёва буквально высосала его, – вспоминала Суламифь Михайловна, – но стала одной из любимейших, большой его удачей». Смоктуновский буквально погрузился в роль, вникая в каждую деталь, тщательно продумывал каждый жест, фразу. По свидетельству Анатолия Смелянского, «актёрская тетрадка Головлёва даже среди исписанных толстых тетрадей Иванова и царя Федора кажется монстром».

«Тысяча вопросов Смоктуновского могли свести с ума, – вспоминал Лев Додин, – если бы у меня не было к нему встречных двух тысяч вопросов. Это соревнование создавало некое союзничество, особый строй дружеских, душевных отношений. Мы знали, к чему мы стремимся, что мы хотим достичь, и понимали друг друга».

История распада дома, вырождения семьи. Смоктуновский играл того, кто стал причиной этой драмы. Личность Порфирия, коррозия его души, постепенное схождение в безумие Смоктуновский обнажил безжалостно. Он показывает человека, который только с виду слаб, но на самом деле он всё время в сражении – в сражении со своими близкими. И постепенно одерживает верх, выдавливая их из Головлёва, выдавливая саму жизнь. Записки в тетради Смоктуновского – все в терминах сражения. «Если я не заставлю их плясать под мою дудку, – размышляет его герой, – они заставят меня плясать под свою. Надо отстоять то, что я завоевал». «Записи Смоктуновского о Головлёве – точно ядовитый колючий кустарник, – замечает Смелянский. – О них обдираешь душу, она начинает кровоточить. Братья, сыновья, “милый друг маменька” – все враги для этого персонажа, ждущие момента, чтобы ударить, каждый эпизод – это поединок».

Чтобы ярче показать своего героя, Смоктуновский даже выработал особый стиль речи, характеризующий его. Иудушка терзает «противников» даже тем, как говорит – без точек, без запятых, а если они есть, то он ставит их там, где вздумается, по собственному разумению.

Труднейшая роль Головлева надломил Смоктуновского, и без того не отличавшегося крепким здоровьем. Подвело сердце, он заболел, и вскоре покинул сцену – силы иссякли. Уход Смоктуновского стал личным потрясением для Олега Ефремова. «Это был один из тех ударов, от которых не восстановиться, – писал Смелянский. – Смоктуновский занимал совершенно особое место в

Художественном театре. Пока он был рядом, было ощущение порядка, какой-то актёрской иерархии, если хотите. Все понимали своё место и положение, потому как была точка последние годы. Жизнь Художественного театра изменилась с уходом Иннокентия Смоктуновского, искусство Ефремова изменилось. Надо было строить театр, но уже без Смоктуновского. Долг и крест остались, а радость, кажется, совсем ушла».

В последние годы, уже страдая болезнью сердца, Смоктуновский сыграл роль Исаака в фильме Л. Горовца «Дамский портной». Эта работа была отмечена в 1990 году премией «Ника», как лучшая мужская роль. Ради заработка, – время было уже голодное, тяжелое для актёров, – снялся в фильме В. Сергеева «Гений», где сыграл криминального авторитета Гилю «Принца», «человека с пошатнувшейся психикой», как определял сам Смоктуновский. Его последняя роль в кино – полковник Фрилей в фильме «Вино из одуванчиков», – роль, которую он не успел озвучить.

Иннокентий Михайлович Смоктуновский скончался 3 августа 1994 года в подмосковном санатории, где проходил курс лечения после инфаркта. Ему было 69 лет. «Он никогда не думал, что так рано уйдет из жизни, – с горечью признавалась Суламифь Михайловна. – Никто из нас не думал. Но так вышло». На прощании с актёром Олег Ефремов не смог говорить – так он был потрясён. Смоктуновского провожали аплодисментами – это стало новой традицией в России, которой он положил начало. «В этот последний его день на земле, – написал Смелянский, – у Иннокентия Михайловича всё было как всегда – его любила публика. Публика, для которой он играл. Публика, которой он отдал всё».

